

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ НА ФОНЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

THE REPRESENTATION OF MAN AS SET AGAINST THE FEMALE IMAGE IN THE WORK OF SVETLANA ALEXIEVICH

Svetlana Alexievich is a Belarusian writer and journalist, winner of numerous international awards, including the Nobel Prize for literature in 2015. In her work, Alexievich touches upon themes relating to the Second World War, the Soviet intervention in Afghanistan and the Chernobyl disaster. Her chosen genre is a combination of collective novel, novel-testimony and epic choral prose. The historical works *War has nothing of a woman* in it and *The Last Witnesses* show World War II through the eyes of women and children. In this article, specifically focusing on male characters in the writer's selected books, we attempt to show the figure of the woman in opposition to representatives of the male sex. It is known from war-time sources that women, apart from the medical services, also operated in the infantry, artillery, reconnaissance and were even snipers; all of which proves that women took an active role in almost every sphere of the armed forces. However, Alexievich demonstrates that a clear division between the sexes appeared in the USSR in terms of promotions and assignments. Despite the million or more women with guns, which is surely a precedent on a global scale, the army did not want women to command men. In the *The Last Witnesses* we especially focus on the memories of boys and a perception of war which is reminiscent of a male reception of the event, often devoid of emotionality, as previously observed in *War has nothing of a woman*.

Keywords: Svetlana Alexievich, war, death, fear, men, women, children

Светлана Алексиевич – известная современная писательница, посвятившая свою прозу, в частности, развенчиванию мифов и устоявшихся мнений о советской концептосфере. В ее книгах затронуты исторические события XX века, в центре которых находится не меняющийся в ее творчестве архетип «маленького человека», очевидца и свидетеля войны:

Меня интересует маленький человек – констатирует Алексиевич. Маленький большой человек, так я бы сказала, потому что страдания его увеличивают. Он сам в моих книгах рассказывает свою маленькую историю, а вместе со своей историей и большую. Что произошло и происходит с нами еще не осмысленно,

надо выговорить. Для начала хотя бы выговорить. Мы этого боимся, пока не в состоянии справиться со своим прошлым¹.

О военных действиях в книгах писательницы повествуют не только мужчины, одинаковое право дано также женщинам и детям, поскольку Алексиевич считает, что лишь комплексный взгляд на войну способствует объективной оценке происходящего. Герои бестселлеров Алексиевич – это самые простые, самые заурядные люди, явившиеся всего лишь пешками и жертвами в историческом лабиринте военных действий. Книги писательницы это сотни маленьких историй-воспоминаний, представляющих разные военные события, социально-политические перипетии, формирующих новое видение истории СССР.

Напомним, что в 2015 году писательница получила Нобелевскую премию за «многоголосное творчество – памятник страданию и мужеству в наше время», за хронику *Голоса утопии* символически названную писательницей *Красный цикл*, в который вошли книги: *У войны не женское лицо*, *Последние свидетели*. *Соло для детского голоса*, *Цинковые мальчики*, *Чернобыльская молитва*. *Хроника будущего*, *Время секунд хэнд*. В своей нобелевской лекции Алексиевич отмечает: «Я написала пять книг, но мне кажется, что всё это – одна книга. Книга об истории одной утопии [...]»².

События Второй мировой войны, во многом затабуированные не только в советское, но и постсоветское время, в книгах писательницы раскрывают правдивый образ происходящего. В произведении *У войны не женское лицо* нашли свое отражение, в основном, женские воспоминания о войне, хотя рассказы мужчин тоже присутствуют, они занимают более маргинальное место, поскольку женский голос здесь является ведущим. В *Последних свидетелях* война представлена в осколочных воспоминаниях самых маленьких ее свидетелей – детей. В обеих книгах мы обратим внимание лишь на воспоминания свидетелей сильного пола, женские исповеди если и появятся, то лишь для усиления мужского голоса. В связи с этим, в *Последних свидетелях* нас будут интересовать только рассказы мальчиков. Алексиевич показывает героизм на войне не только мужчин, но также женщин и детей. Воспоминания последних по своей важности становятся в один ряд

¹ С. Алексиевич, *О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич*, „Arzamas“, <https://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch>, дата доступа: 07.09.2020.

² *Ibidem*.

с мужскими. У Алексиевич нет более или менее важных голосов, все исповеди имеют одинаковое значение, не подлежат какому-либо возрастному категоризированию. Война глазами мужчин, женщин и детей приобретает совершенно другое звучание, чем это было до появления книг Алексиевич.

В книгах писательницы внимание сфокусировано на человеке, его внутреннем мире: страхах, переживаниях, ценностях, желаниях и мечтах. Желание глубже постичь *человека*, его личность в страшных условиях войн, катастроф, перемен, заставили писательницу обратиться ко Второй мировой войне, чернобыльской катастрофе и другим драматическим событиям XX века. Она считает, что лишь в условиях угрозы, страха, смерти человек открывает другого себя – настоящего³.

Книги Алексиевич написаны в жанре документально-художественной прозы, позаимствованном ею от учителя, Алеся Адамовича⁴. Книги-исповеди не имеют единой сюжетной линии, это рассказы-голоса, образующие своего рода *текст-матрешку*, объединенную общими темами, сюжетами, деталями, которые придают сюжетную динамику⁵. Все рассказы-воспоминания представлены в форме «мир вокруг меня», для них характерна абсолютная автономность, лишенная каких-либо противоборств и столкновений позиций. Роль автора сводится не только к представлению материала в виде монтажа, но, самое важное, в правильном отборе информации. Если в книге *У войны не женское лицо* наблюдается некий диалог автора с рассказчиками книги, голос Алексиевич выразительно здесь присутствует, то в *Последних свидетелях* автор замолкает. Наличие авторского голоса в воспоминаниях наиболее беспристрастных и невинных свидетелей военных событий, а также комментарии и какие-либо дополнения писательница посчитала лишними. Именно по этой причине во втором издании книги Алексиевич отказалась от предисловия и послесловия. Воспоминания детей по-

³ Н. Яковлева, *Человеческий документ: история одного понятия*, Хельсинки 2012, с. 144.

⁴ Писательница констатирует: «Мой учитель Алесь Адамович, чье имя хочу назвать сегодня с благодарностью, тоже считал, что писать прозу о кошмарах XX века кощунственно. Тут нельзя выдумывать. Правду нужно давать, как она есть. Требуется „сверхлитература“». См. дет.: С. Алексиевич, *О проигранной...», op. cit*

⁵ К. Гурска, *Книга С. Алексиевич „У войны не женское лицо“ как циклическое художественно-документальное явление: структура и поэтика*, „Вестник РУДН: Литературоведение. Журналистика“ 2018, т. 23, №2, с. 198.

настоящему отразили общечеловеческую трагедию⁶, в особенности травматизм советского и постсоветского общества.

Во всех книгах писательницы можно отметить прием оппозиции. Причем, эта оппозиционность распространяется как на пространственную, временную организацию текста, так и на личностную сферу. Места, чувства, детали, сфера человеческих отношений и просто быт представлены с помощью оппозиции. Немец и гражданин СССР, сравнение локуса Германия – Россия; оппозиционность чувств: любовь и ненависть, радость и разочарование, восторг и уныние, жизнь и смерть, страх и смелость и многие другие. Абсолютно во всех книгах экспонируется тема жизни *на войне и в обыденной мирной жизни*. Она появляется в воспоминаниях-исповедях мужчин-фронтовиков, женщин-солдат, детей – свидетелей войны.

Для всех исповедей характерен ретроспективный взгляд, жизнь одновременно в двух измерениях: мыслями о прошлом и выводами в настоящем. Не только воспоминания, но и сонные кошмары не дают героям Алексиевич забыть прошлое, и радоваться настоящим. Возникает желание рефлексии, в которой экспонируется правда-неправда, являющаяся одновременно сквозным мотивом исповедей.

Как известно, в книгах о войне образ мужчины *априори* был связан с героизмом, отвагой, преданностью семье и Родине. В художественно-документальной прозе Алексиевич мужчины-солдаты в своих рассказах-исповедях говорят не только о героизме, но также экспонируют чувство страха, неразрывно связанного со смертью. Страх и смерть образуют звенья одной цепи, они тесно сопряжены друг с другом, одна порождает другую, и все сводятся к одному – к неопровержимому желанию жить, бороться за жизнь любой ценой, любой ценой вернуться домой. Герои книг не столько не выдерживают испытания страхом, сколько навязчивыми мыслями о том, что могут погибнуть, что, возможно, уже никогда не увидят своих матерей, жён, детей. «Страх! Мне не стыдно за этот страх. Страх человечнее смелости. Это я понял. Боишься и жалеешь, хотя бы самого себя. Оглядываешься вокруг, начинаешь замечать жизнь»⁷. Интересны воспоминания по этому поводу другого солдата: «Чтобы выжить, надо постоянно думать об этом. Я думал... Я никогда не

⁶ С. Ушакин, *Осколки военной памяти: Всё, что осталось от такого ужаса?*, Рецензия на книгу: Алексиевич С. *Последние свидетели: соло для детского голоса*, Москва 2007, „Литературное новое обозрение“ 2008, №5 (93), с. 236-237.

⁷ С. Алексиевич, *Цинковые мальчики*, Москва 2017, с. 39.

садился в первую и последнюю машины. [...] Держал в запасе немецкие таблетки для подавления чувства страха»⁸. Чувство страха становится неотъемлемым элементом художественного мира писательницы. Во многих воспоминаниях это слово вообще не вербализируется, тем не менее, вся исповедь пронизана этим чувством. Навязчивое чувство страха не покидало фронтовиков также в мирное время, оно стало частью их внутреннего мира.

Как мы уже отметили, в книге *У войны не женское лицо* голос предоставлен женщинам-фронтовичкам, хотя представители сильного пола также имеют право голоса. Мужской образ представляет собой оппозицию не столько к женскому, сколько иное, другое видение событий. Однако, иногда наблюдается абсолютно осознанное и очень четкое сравнение женской и мужской участи в войне. Писательница неоднократно доказывает, что женская память о войне другая, нежели мужская. Алексиевич считает, что «война их пленяет как действие и противостояние идей, различных интересов, а женщины захвачены чувствами»⁹. Женская военная память отличается от мужской именно тем, что там нет места для воспоминаний о победах, званиях, невероятных подвигах, в этой памяти много страдания, причем, страдают не только люди, но и земля, птицы, деревья¹⁰. Один из рассказчиков, который прошел войну вместе со своей женой, свидетельствует: «Я много из ее рассказов запомнил и, как теперь говорят, „усек“ для внуков. Часто им не свою, а ее войну рассказываю. Им она интереснее. [...] У меня больше конкретного военного знания, а у нее чувства»¹¹. Мужчины – пишет Алексиевич – «неохотно впускают женщин в свой мир, на свою территорию»¹². Конечно, в этой книге тоже есть героизм, но главное внимание сфокусировано не столько на нем, сколько на чувствах и переживаниях с ним связанных. Писательница отмечает, что достоверность чувств – самый существенный момент воспоминаний.

Отметим, что в книгах Алексиевич нет противопоставления женских образов мужским. Такое мнение было бы крайне ошибочным. У писательницы нет идеализации ни женских, ни мужских голосов. Для нее скорее важна «инаковость» восприятия военных событий в силу

⁸ *Ibidem*, с. 71.

⁹ С. Алексиевич, *У войны не женское лицо*, Москва 2019, с. 17.

¹⁰ *Ibidem*, с. 10.

¹¹ *Ibidem*, с. 121.

¹² *Ibidem*, с. 18.

различия гендерных характеристик. Само собой разумеется, мужчины и женщины по-разному воспринимают окружающую действительность, совершенно иначе на нее реагируют. Безусловно, этот факт связан с биологической принадлежностью к данному полу и соответственно с определёнными гендерными функциями. Разница восприятия действительности наиболее выразительно проявляется в процессе коммуникации, понимаемой не столько как язык, сколько комплексное психолого-социо-лингвистическое действие¹³.

На страницах голосов-исповедей практически отсутствует изображение героев, их портретная и речевая характеристика, разве что данный герой сам повествует о себе. И лишь в детских воспоминаниях присутствует оценочная характеристика отца или матери, но не как описательно-изобразительная попытка, скорее как образ, ассоциирующийся с силой в случае мужчины-отца, и с красотой в случае образа женщины-матери. В этом отношении в книгах писательницы продемонстрированы довольно таки стереотипные и традиционные для патриархального сознания образы женщин и мужчин. В сознании детей мы имеем дело с устоявшимся идеалом, а не с искомым. Причем, интересно, что именно в детском сознании наблюдается размытость между стереотипно приписываемыми обоим родителям характеристиками. Мать приобретает черты защитницы, хранительницы, отец – замечательного повара:

Мама очень молодая была. [...] Она не умела даже готовить. А папа – сирота, он все умел. Я помню, как мы любили, когда у папы было время и он мог что-нибудь вкусное нам приготовить. Для всех – праздник. Мне и сейчас кажется, что нет ничего вкуснее манной каши, которую варил папа¹⁴.

Из другого воспоминания: «Мама оберегала нас, мы сидели под мамиными „крыльями“. Где-то в сознании было, что случилась беда, но с нами мама, и там, куда мы едем, все будет хорошо»¹⁵.

В книге *У войны не женское лицо* повествование строится, на, казалось бы, двух оппозициях женское / не женское, женское / мужское. Однако, здесь речь идет не столько о гендерном противопоставлении,

¹³ Ю. Косякова, *Образы мужчины и женщины в современной лингвокультуре*, в: *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему*, Материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции, ред. И. Геращенко, Омск 2019, с. 278-279.

¹⁴ С. Алексиевич, *Последние свидетели*, Москва 2016, с. 38.

¹⁵ *Ibidem*, с. 124.

сколько об эксплицировании и усилении женского феномена с помощью мужского начала и наоборот. Данное эксплицирование-оппозиция касается как действий, так и чувств: «Отстрелялись хорошо, даже лучше мужчин-снайперов, которых отозвали с передовой на двухдневные курсы, и которые очень удивлялись, что мы делаем их работу»¹⁶. В книге постоянно наблюдаемое сравнение и подчеркивание необходимо лишь для того, чтобы в вопросе неопровержимого и должного признания участия женщин в войне поставить последнюю точку, поломать культурный стереотип о том, что войну выиграла мужчины:

Мужчины – с грустью вспоминает одна рассказчица – победители, герои, женихи, у них была война, а на нас смотрели совсем другими глазами. Совсем другими... У нас, скажу я вам, забрали победу. Тихонько выменяли ее на обычное женское счастье. Победу с нами не разделили. И было обидно¹⁷.

В Советском Союзе военный подвиг женщин умалчивался. В преобладающем большинстве случаев война представлялась «мужскими» глазами. Но и в этом была некая цель: сохранить «незапятнанный» женский образ, сберечь «видение женщины дающей жизнь, а не отнимающей ее»¹⁸.

В рассказах-исповедях *У войны не женское лицо* прослеживается момент «теоретического» отказа от половой идентичности, наблюдается замена ролей или их наслаивание. Неоднократно, как в рассказах женщин, так и мужчин подчеркивалось, что война – это не женское дело, но мужское. Поэтому если женщина и попадала на войну, то от нее требовалось андрогинное функционирование, в зависимости от ситуации, проявление то женских черт, то мужских¹⁹. Такая гендерная автоустановка шла вразрез с навязанной действительностью. Солдат, независимо от пола, не должен был быть обременен половой идентичностью, отмечает Баран. На войне пол не имеет значения²⁰. «Мне кажется – вспоминает одна рассказчица – я две жизни прожила – мужскую и женскую»²¹. Интересным в этом отношении является

¹⁶ С. Алексиевич, *У войны...*, *op. cit.*, с. 42.

¹⁷ *Ibidem*, с. 135-136.

¹⁸ М. Баран, *Kobieta na arenie*, „Civitas. Studia z filozofii i polityki” 2017, nr 21, s. 257.

¹⁹ A. Zywert, *Śmierć i dziewczyna*, w: *Kobiety i/a doświadczenie wojny. 1914–1945 i później*, (red.) M. Grzywacz, M. Okupnik, Poznań 2015, s. 147-148.

²⁰ М. Баран, *Kobieta na arenie...*, *op. cit.*, с. 259.

²¹ С. Алексиевич, *У войны...*, *op. cit.*, с. 88.

столкновение точек зрения, в которых прослеживается та же оппозиционность. В рассказах Алексиевич звучат голоса мужчин, также свидетельствующие о внутренней растерянности в отношении восприятия женщин на войне. Один собеседник, воевавший на фронте, высказался по этому поводу следующим образом:

Но у нас, у мужчин, было чувство вины, что девчонки воюют, и оно у меня осталось. [...] В разведку с такой, может быть и пошел, а замуж бы не взял. [...] Мы привыкли думать о женщине как о матери и невесте. Прекрасной даме, наконец²².

Восприятия рассказчика по поводу представительниц слабого пола на войне более чем очевидны. Ведь мужчины призваны быть защитниками слабых, то есть также женщин, а здесь наблюдается если не «уравниловка» ролей, то уж точно их подмена. Данная ситуация становится причиной конфуза среди солдат, поскольку, во-первых, согласно принятым стереотипным нормам, в военное время женщина должна была оставаться в тылу, ждать с войны своего мужа, сына, отца; во-вторых, появление женщины на войне лишний раз подчеркивает «недостаточность» мужской силы, отсюда берутся и угрызения совести у мужчин за то, что женщины были призваны воевать; в-третьих, многие рассказчики в своих исповедях откровенно свидетельствуют о том, что женщину-воина они не хотели бы взять себе в жёны. Восприятие женщины в данном ракурсе в глазах мужчин лишает ее ореола «Прекрасной Дамы», жены, возлюбленной. Она становится в один ряд с солдатами-мужчинами или же с просто женщинами-сестрами, но не теми единственными, с которыми идут под венец:

Среди фронтовых девчонок я встречал много красивых, но мы не видели в них женщин. [...] Но это были наши подружки, которые выволакивали нас с поля боя. Спасали, выхаживали. [...] Но вы могли бы выйти замуж за брата? Мы называли их сестренками²³.

Наверное, глубокий смысл книг Алексиевич заключается прежде всего в том, что их фундаментом является правда, какой бы горькой она не казалась. Истинная правда о человеке, о его животных инстинктах, которые особенно обнаруживаются в ситуации угрозы жизни. Правда

²² *Ibidem*, с. 101.

²³ *Ibidem*, с. 103.

в рассказах-исповедях бывает стыдной. В военное время человек, переживая голод, страх смерти, жесточайшие пытки, способен на поступки, казалось бы, невысказанные в мирное время. Именно поэтому писательницу интересовал человек, живущий и формирующийся не в мирное время, в тепличных условиях, но во времена выживания, там, где форс-мажорные обстоятельства становятся бытом. То есть цель писательницы была совершенно противоположной тому, что хотели видеть в книгах о войне цензоры. «Вы показываете грязь войны. Нижнее белье. У вас наша Победа страшная... Чего Вы добиваетесь?»²⁴ – спрашивали они. Воспоминания мужчин, которые не допускали к публикации цензоры, показывали их человеческие слабости, к которым они сами не желали возвращаться даже в воспоминаниях. Они стыдились своих поступков, не понимая, как могли пойти на тот или иной шаг:

Наступаем... Первые немецкие поселки... Мы – молодые. Сильные. Четыре года без женщин. В погребках – вино. Закуска. Ловили немецких девушек и... Десять человек насильничали одну... [...]. Я сейчас не понимаю, как я мог... Мальчик из интеллигентной семьи... Но это был я...²⁵.

Книга *У войны не женское лицо* наполнена не только подвигами женщин и мужчин, но также в ней экспонируются человеческие слабости и падения, моральные, нравственные и физические. Именно поэтому Алексиевич, дискутируя с цензором, подчеркивает: «Да, я не люблю великие идеи. Я люблю маленького человека...»²⁶. Маленький, значит, также слабый, но настоящий. Интересно, что Алексиевич, часто в этой книге диалогизировавшая со своими героями, в таких ситуациях замолкала, точно как в книге *Последние свидетели*, не считала нужным что-либо комментировать, покрывая в этот момент молчанием поведение своего «маленького человека». Но в начале книги, рассуждая о войне, она задает тот же вопрос, что и Достоевский:

Сколько человека в человеке, и как этого человека в себе защитить? Несомненно, что зло соблазнительно. Оно искуснее добра. Притягательнее. [...] Понимаю теперь одиночество человека, вернувшегося оттуда. Как с другой планеты или с того света²⁷.

²⁴ *Ibidem*, с. 29.

²⁵ *Ibidem*, с. 30.

²⁶ *Ibidem*, с. 31.

²⁷ *Ibidem*, с. 14.

Эти слова можно посчитать неким обращением и просьбой к читателю, отнестись с пониманием и сочувствием к рассказам-голосам героев писательницы.

В книге-исповеди *Последние свидетели* преобладающее большинство воспоминаний принадлежат представительницам женского пола. Однако, из ста рассказов около сорока – мужские голоса. Это воспоминания уже взрослых людей, глубоко осознавших свою участь в войне, ее трагические и травматические последствия для человека, особенно для ребенка. Именно поэтому, будучи взрослым и вспоминая войну, увиденную детскими глазами, для многих рассказчиков это не просто детские воспоминания о войне, это глубокая ретроспекция с не менее глубоким анализом и выводами. К примеру, Виктор Лещинский в своих воспоминаниях о войне констатирует сделанный им уже во взрослой жизни вывод: «Разве мы – дети? В десять-одиннадцать лет мы были мужчинами и женщинами...»²⁸. Одни рассказы представляют собой осколочные воспоминания о каком-то событии, связанном с войной, другие наполнены глубоким психологизмом, анализом этих событий и участием в них человека. Васе Сайльченко в годы войны было восемь лет. Он подчеркивает: «Нет, ребенком я не был. Не помню себя ребенком»²⁹.

Абсолютно закономерно, что воспоминания о войне мальчиков другие, чем воспоминания девочек. Их схожесть лишь в том, что в военные годы все были детьми, все переживали голод, страх, отчаянье и невыносимое желание выжить, найти семью и забыть, стереть с памяти ужасающие годы войны. Хочется добавить, что все эти рассказчики, жизнь которых была исковеркана войной, в мирное время сумели не только создать крепкие семьи, но также получить образование, стать высококлассными специалистами. Об этом свидетельствует информация в начале каждого рассказа: фамилия и имя рассказчика и профессия. Несколько человек имеют звание кандидата наук (Миша Майоров, Саша Каврус, Андрей Толстик) и даже профессора (Володя Коршук); это и журналисты, и архитекторы, и музыканты, и инженеры-механики, художники, учителя.

Воспоминания мальчиков в *Последних свидетелях* чем-то напоминают воспоминания мужчин из книги *У войны не женское лицо*.

²⁸ С. Алексиевич, *Последние...*, *op. cit.*, с. 273.

²⁹ *Ibidem*, с. 279.

В них много героизма, отваги, мужества, выдержки и самодисциплины. С детства они получили гендерную установку, поэтому ракурс восприятия войны совершенно иной, чем у представительниц «слабого пола». В преобладающем большинстве воспоминаний мальчиков присутствует военная техника, в основном, самолеты и танки. «Налетели на город самолеты... Десятки незнакомых самолетов. С крестами. Они закрыли небо, закрыли солнце. Ужас!»³⁰. Или же другое воспоминание: «Черное небо... Черные толстые самолеты... Они гудят низко. Над самой землей. Это – война»³¹. «Я боялся смотреть и на небо – там было черно от самолетов, и на землю – везде лежали убитые»³².

Неутолимое желание во что бы то ни стало попасть на фронт, отомстить за погибших людей, а также защитить тех, кто остался в живых, звучит практически во всех воспоминаниях. В детских рассказах экспонируется гордость за Родину и вера во всемогущество Сталина и священные амулеты, т.е. галстук и значок октябрёнка. Известно, что в советское время коммунистическая символика в виде значков октябрёнка и пионерских галстуков являлась неотъемлемым атрибутом школьного образования, с помощью которых детям уже в раннем возрасте прививалось определенное идеологическое воспитание. Гена Юшкевич вспоминает: «Наша армия – на границе, наши вожди – в Кремле! Страна надежно защищена, неприступна для врагов! Это я тогда так думал... Я был пионером. Крутили радио. Ждали выступления Сталина. Его голос был нужен. Но Сталин молчал»³³. В свою очередь, Марлен Робейчиков рассказывал о страстном желании отомстить врагам. В его тогдашнем детском сознании пионерский галстук мог быть орудием против врага. «В детском воображении рисовалось: встретят нас немцы, откроют чемоданы, а там лежат красные галстуки. Так мы отомстим им за все...»³⁴. Или же «Свои красные значки октябрят и красные галстуки мы с друзьями завернули в клеенку и закопали в кустах возле речки. В песке. Тоже – конспираторы! Каждый день приходили на то место»³⁵.

³⁰ *Ibidem*, с. 8.

³¹ *Ibidem*, с. 44.

³² *Ibidem*, с. 49.

³³ *Ibidem*, с. 8.

³⁴ *Ibidem*, с. 177.

³⁵ *Ibidem*, с. 186.

Тема страха и смерти, а также смелости становятся в книге сквозными. Данные темы принимают здесь богатые и противоречивые коннотации. Война, связанная с травмой, с пространством страха и смерти ни для взрослых, ни тем более для детей не заканчивается ее исторической датой. Для них это *locus horridus*, продолжающийся и в мирное время, в воспоминаниях. Проявление страха у мальчиков другое, чем у девочек. Тотальный страх, вызванный потерей близких людей, ставший причиной психогенной амнезии, наблюдается у девочек довольно часто. Цитата из воспоминаний следующего свидетеля:

Она зовет меня „Анечка” ... Но я думаю, что у меня другое имя... Как будто помню, что оно у меня другое, но какое – забыла. От страха. От страха, что у меня забрали маму... [...] Через двадцать пять лет после войны я нашла одну только нашу тетю. Она мне назвала мое настоящее имя, и я долго не могла к нему привыкнуть...³⁶.

В преобладающем большинстве воспоминаний мальчиков страх, конечно же, присутствует, но его покрывает гордость, отвага и смелость. Давид Гольдберг рассказывает: «Не было сомнения, что наша армия непобедимая и несокрушимая, у нас лучшие танки и самолёты. [...] Мальчики вели себя уверенно, а многие девочки очень плакали, испугались»³⁷.

В вышеприведенной цитате продемонстрировано традиционное поведение, продиктованное воспитанием, а также гендерными установками, на которых оно было основано. Смелость и отвага – черты, характерные для решительного человека, умеющего быстро принимать решения в трудных ситуациях. Дети смотрели в глаза страху и смерти без малейших колебаний и желаний спрятаться под панцирь взрослых. Поведение мальчиков напоминает какое-то неудержимое желание во что бы то ни стало бороться за свою родину, семью, друзей. Здесь наблюдается мгновенная „феноменальная перестройка” с ребёнка на взрослого. Причем, поражает не только пламенное желание в детском и юношеском возрасте воевать, понимаемое как помощь взрослым, как их поддержка, как солидарность со взрослыми, но и психологическая готовность, осознанное решение делать те или иные действия. Эдуард Ворошилов, которому во время войны было всего лишь 11 лет, вспоминает:

³⁶ *Ibidem*, с. 100-101.

³⁷ *Ibidem*, с. 94.

Мальчишка не мог дотронуться до убитых, он боялся, что где-то здесь его отец. И вот тогда я себя поймал на мысли, что у меня почему-то нет страха перед смертью. Мысленно с ней уже сжился. Я их переворачивал, а он смотрел каждому в лицо [...] У меня с тех пор ... больше нет слез³⁸.

В свою очередь, Михаил Шинкарев рассказывал: «Всего несколько месяцев войны... А у нас уже не было страха при виде смерти. Вытащили пулеметчика на берег и похоронили. Кто-то сбегал за лопатой, и вырыли яму. Закопали. Постояли молча. [...] Всё сделали сами. Одни, без взрослых»³⁹.

Часто недетское отсутствие страха и ещё более недетское желание мстить и ненавидеть врага было вызвано потерей близких, убитых на глазах у детей. После такой психической травмы мальчишки считали своим долгом идти на войну или же как-то подпольно помогать советским солдатам или партизанам. Вася Саульченко, которому было всего лишь восемь лет, делится своими воспоминаниями, связанными с навязчивым сном о первом убитом немце:

К тому времени, когда я убил этого немца, я уже многое видел... Я видел, как застрелили моего деда на улице, а бабушку у нашего колодца... На моих глазах маму били прикладом по голове... Волосы у неё стали красными...[...] Мне было десять лет, партизаны уже брали меня на задания⁴⁰.

Хотелось бы обратить внимание на исключительно интересный образ матери-героини, сформированный в сознании ее сына, желавшей воевать с врагом. Такой образ не просто возведен в ранг сакрального в воспоминаниях ребенка, это нечто большее, относящееся скорее рангу божественного, непоколебимого авторитета. Причем над образом матери присутствует некая надстройка. Кроме того, что она *априори* самый важный для ребёнка человек, она наделена храбростью и мужеством, обычно, свойственным мужчинам:

Однажды вечером мама села возле меня:

- Мне не выносимо, что они здесь. Ты меня понимаешь?

Она хотела бороться. С первых дней. Мы решили искать подпольщиков. [...]

Я влюбился в свою маму, теперь я слушал ее беспрекословно. И это потом осталось на всю жизнь⁴¹.

³⁸ *Ibidem*, с. 149.

³⁹ *Ibidem*, с. 187.

⁴⁰ *Ibidem*, с. 278.

⁴¹ *Ibidem*, с. 10-11.

Итак, подводя итоги нашего исследования, обратим внимание на то, что война представленная в книгах Алексиевич глазами мужчин, женщин и детей приобретает совершенно иной ракурс, чем это было до появления ее книг. Здесь внимание сфокусировано на человеке, на его внутреннем мире: на его страхах, переживаниях, ценностях, желаниях и мечтах. По мнению Алексиевич, лишь в условиях страха и смерти человек открывает другого себя – настоящего. Во всех книгах писательницы мы отметили прием оппозиции, особенно оппозиционности чувств: любви и ненависти, радости и разочарования и пр., а также экспонирование сравнения жизни на войне и в мирное время.

В художественно-документальной прозе Алексиевич мужчины-солдаты в своих рассказах-исповедях кроме героизма, говорят также о пережитых эмоциях, неразрывно связанных со страхом, и со смертью. Страх и смерть образуют звенья одной цепи и тесно сопряжены друг с другом: одна порождает другую, и все сводятся к одному – к неопровержимому желанию жить. В этом отношении мужской образ представляет собой не столько оппозицию к женскому, сколько иное видение событий. Писательница неоднократно доказывает, что женская память о войне другая, нежели мужская. Женская военная память отличается от мужской именно тем, что там нет места для воспоминаний о победах, званиях, невероятных подвигах. И все же, в анализируемых книгах отсутствует идеализация женских или мужских голосов. Речь идет не столько о гендерном противостоянии, сколько об эксплицировании и усилении женского феномена с помощью мужского начала и наоборот.

Библиография

- Алексиевич С., *Цинковые мальчики*, Москва 2017.
Алексиевич С., *У войны не женское лицо*, Москва 2019.
Алексиевич С., *Последние свидетели*, Москва 2016.
Алексиевич С., *О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич*, „Arzamas”, <https://arzamas.academy/mag/212-aleksievitch>.
Гурска К., *Книга С. Алексиевич „У войны не женское лицо” как циклическое художественно-документальное явление: структура и поэтика*, „Вестник РУДН: Литературоведение. Журналистика” 2018, т. 23, №2, с. 198-207.

- Косякова Ю., *Образы мужчины и женщины в современной лингвокультуре*, в: *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему*, Материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции, (ред.) И. Геращенко, Омск 2019, с. 277-282.
- Яковлева Н., *Человеческий документ: история одного понятия*, Хельсинки 2012.
- Ушакин С., *Осколки военной памяти: Всё, что осталось от такого ужаса?*, Рецензия на книгу: С. Алексиевич, *Последние свидетели: соло для детского голоса*, Москва 2007, „Литературное новое обозрение” 2008, №5 (93), с. 234-241.
- Baran M., *Kobieta na arenie*, „Civitas. Studia z filozofii i polityki” 2017, nr 21, s. 253-266.
- Zywert A., *Śmierć i dziewczyna*, w: *Kobiety i/a doświadczenie wojny. 1914–1945 i później*, (red.) M. Grzywacz, M. Okupnik, Poznań 2015, s. 147-148.